РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7–09

Галия Дуфаровна Ахметова,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

О динамичности языковых процессов в современной русской прозе

В данной статье раскрывается актуальная проблема, связанная с анализом современных языковых процессов, происходящих в русской прозе. Динамичность языковых процессов обусловлена пониманием текста как динамического феномена. Научная новизна исследования определяется не только неизученностью представленного материала, но также и значительным интересом филологов к проблеме языка современной прозы. Можно говорить о некоторых итогах в изучении языковых процессов. Появляющиеся в последние годы работы автора исследования, посвящённые изучению живого литературного текста, языкового пространства текста, позволяют представить языковую картину современной прозы. В данном исследовании анализируется роман С. Н. Есина «Хургада». Представленные и проанализированные на материале романа языковые процессы характеризуют языковое пространство современной прозы. Среди этих процессов можно назвать антропоцентризм метафорических определений, словообразовательный взрыв, употребление сравнения как компонента текста, межтекстовое взаимодействие и др. Но каждое новое произведение – это ещё и отражение творческого стиля писателя. Для творческого стиля С. Н. Есина характерна так называемая «романность», «литературность» повествования, юмор. В плане содержания романы писателя характеризуются разнообразием выбранных тем. Обращение в романе «Хургада» к теме нового среднего класса позволило писателю представить не только жизненное пространство данного социального слоя, но и его языковое пространство. Можно сделать вывод, что языковые традиции и языковые процессы являются двумя сторонами единого процесса, они взаимодействуют друг с другом и способствуют динамическому развитию русской литературы.

Ключевые слова: текст, динамические языковые процессы, языковые традиции реализма, языковое пространство, С. Н. Есин, современная русская проза.

Galiya Dufarovna Akhmetova,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

On Dynamism of Language Processes in the Modern Russian Prose

In this article reveals the actual problem connected with the analysis of the modern language processes happening in the Russian prose. Dynamism of language processes is caused by understanding of the text as dynamic phenomenon. Scientific novelty of research is defined not only obscurity presented material, but also and considerable interest of philologists in a problem of language of modern prose. It is possible to speak about some results in studying of language processes. The works of the author of research appearing in recent years devoted to studying of the live literary text, language space of the text allow to present a language picture of modern prose. In this research S. N. Yesin's novel "Hurghada" is analyzed. The language processes presented and analysed on novel material characterize language space of modern prose. Among these processes it is possible to call anthropocentrism of metaphorical definitions, word-formation explosion, the comparison use as text component, intertext interaction, etc. But each new work is also reflection of creative style of the writer. For creative style of S. N. Yesin so-called "romannost", "literari-

© Г. Д. Ахметова, 2015

ness" of a narration, humour is characteristic. In respect of the contents novels of the writer are characterized by a variety of the chosen subjects. The appeal in the novel "Hurghada" to a subject of new middle class, allowed the writer to present not only vital space of this social group, but also its language space. It is possible to draw a conclusion that language traditions and language processes are two parties of uniform process, they interact with each other and promote dynamic development of the Russian literature.

Keywords: text, dynamic language processes, language traditions of realism, language space, S. N. Yesin, modern Russian prose.

Понятие текста как динамического феномена предполагает динамичность происходящих в нём языковых процессов. Такой подход к художественному произведению соотносится с нашей теорией живого литературного текста [1], а также с теорией языкового пространства текста [2], в основе которого лежит, наряду с другими признаками, динамичность. В качестве материала изучения нами взят роман С. Н. Есина «Хургада». Изданный в начале нулевых годов роман отражает специфику и язык нарождающегося в России так называемого «среднего класса». Со свойственным писателю юмором, остроумно художественно и в то же время документально точно, представлен в романе калейдоскоп представителей нового социального образования, сразу же ставшего предметом исследования многих наук. Однако в языковом плане данная проблема практически не изучалась. Да и сложно назвать авторов, которые бы сознательно обратились к этой теме. Однако для изучения динамичных языковых процессов русской прозы, русского литературного языка этот семантико-стилистический пласт даёт богатый материал. Он позволяет наблюдать развитие, изменение литературного языка, помогает увидеть его изменчивость. Кроме того, выбор в качестве героя повествования представителя среднего класса даёт возможность развить актуальную теорию героя/антигероя в современной прозе, в современной России. Для творчества С. Н. Есина характерно обращение к разным сторонам российской действительности. В одном из интервью писатель утверждал, что «пройдёт время, и судить о нас будут не по тому, что мы о себе думаем, а по тому, что мы написали о России» [5]. И вот теперь появляется художественное повествование, основанное на факте, о среднем классе: «Не следует думать, что в России средний класс, которому по деньгам и размаху предпринять путешествие в Хургаду, в Египет, так уж малочислен. Отнюдь. Ну, предположим, не совсем сложившийся средний класс, ещё не настоящее стадо голодных волков и хитрых лисиц, но уже полкласса, полстаи. Уже, так сказать, появились шустрые наклевушки, зашевелились и затрещали липкие почки, готовые выпустить, как сказал классик, клейкие листочки» [4, с. 291].

Целая галерея представителей нового русского среднего класса проходит перед читателем. По ним, по их языку будет так же изучаться история России, как и по реальным документальным фактам. А динамичность языковых процессов современной русской прозы даст объективно широкую картину языкового пространства текста. Оно представлено в этих авторских наклевушках. Само слово «наклевушки», пожалуй, введено в литературный язык С. Н. Есиным. В Дневниках писатель говорит о наклевушках сюжетов. В садоводческом разговорном варианте слово употребляется в прямом значении, но в писательском повествовании это значение уходит в межтекстовое пространство классики – к Достоевскому: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, – вот что!» Отсюда и свойственный русским языковым традициям трагизм повествования – наряду со смехом, который так отчётливо проявился в романе С. Н. Есина «Маркиз». Не случайно в конце романа «Хургада» появляется знаменитый образ моря М. Горького: «Море, как говорил классик советской литературы Максим Горький, смеялось» [4, с. 418].

Одновременно с понятием «средний класс» (иногда – «новый средний класс») вводится в повествование более усвоенное русским языком сочетание «новые русские». В настоящее время былой «ореол» новых русских несколько померк, исчезли атрибуты, сопровождавшие новых русских в девяностые, появились анекдоты о них. В некоторой степени понятия «новый русский» и «средний класс» пересекаются друг с другом. Однако устойчивость данного выражения в последнее время сильно поколебалась: «Ах, как новые русские не

хотят платить за телефонные переговоры, прачечную и по счетам!» [4, с. 313]; «Соотечественники в основном были так называемые новые русские, а это, как считал Стасик, в России целый слой» [4, с. 315]; «Теперь надо представить себе Владимира Афанасьевича, бывшего председателя профкома, в качестве миллионера и нового русского. Стать, костюм, сотовый телефон, загородный особняк, машина привычной марки “мерседес”» [4, с. 354]; «<…> нового русского теперь Толик определяет уже не по толстой гранёной цепи, нынче богатые люди их уже не носят, в них щеголяют вёрткие и накачанные братки, а по острому и веселому пузцу <…>» [4, с. 370]. В романе вспоминается мода среди новых русских на красные кирпичные особняки.

С. Н. Есин избегает сопутствующих данным явлениям сниженных слов и выражений, однако же элементы той или иной субкультуры в романе появляются. Например, слово «хакер» используется именно в контексте хакерской субкультуры и обозначает «компьютерный взломщик», а не «программист», как это было изначально: «Стасик был компьютерным гением. Не таким, конечно, как какой-нибудь хакер, взламывающий банковские коды, а нормальным гением, умеющим починить любой компьютер и ответить на любой вопрос о стоимости его комплектующих» [4, с. 314]. Если же единичные сниженные слова и встречаются (например, слово «крыша», всё ещё популярное в русском языке), то даются они в явном сатирическом контексте: «<…> и все они безумно хотят трахаться, как это звучит по-литературному» [4, с. 357].

Современная жизнь России представлена в романе документальными компонентами. Это, прежде всего, реальные фамилии реальных людей: «Русские идут. Ура!» – как сказал бы молодой русский писатель Сергей Шаргунов [4, с. 292]. Аллюзия к названию романа С. Шаргунова «Ура!» как динамический языковой процесс используется С. Н. Есиным в контексте заданного семантико-композиционного развёртывания повествования. Достоверность повествования усиливается тем, что фамилии реально существующих людей включаются и в реплики литературных персонажей (либо во внутреннюю речь персонажей): «”Вы выиграли шесть баллов”, – как утверждал в моё время Саша Масляков, ведущий молодёжной игры “КВН”. – Джафар говорил это всё почти совсем без акцента, вот что значит долго общаться с русскими и советскими девушками. – А Саша Масляков всё ещё ведёт передачу?

– Ведёт, ведёт, – сказал Толик.

– Ах, какой он долгожитель! – сказал Джафар, и на этом они расстались» [4, с. 295]; «Что он, Рамазан, хуже Брынцалова?» [4, с. 342]; «Витя слышал об этом из выступления своего любимого комика Михаила Задорнова» [4, с. 359]; «<…> Толик обратился, как к одной из красавиц в фильме В. Мотыля» [4, с. 375]. Один из персонажей – Серёжа – вспоминает, как он перед тюрьмой посмотрел фильм Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок». Часто в романах С. Н. Есина описывается Литературный институт («Маркиз», «Твербуль, или Логово вымысла»). Есть упоминание о Литературном институте и в романе «Хургада».

Для стиля писателя характерно нарочитое сталкивание реальности и художественного вымысла – часто с юмористической целью: «В аэропорту Толя встретился – внезапные встречи случаются не только в плохой литературе, но и в жизни – со своим старым московским знакомым Джафаром» [4, с. 293]. Ориентация на «литературность», «романность» повествования отличает прозу писателя. Отсюда частые для его произведений отвлечённые писательские сентенции, неявная авторская оценка, авторский взгляд: «Надо ли в коротком повествовании, которое не есть художественное произведение, а просто некое краткое изложение, рассказывать о всех перипетиях жизненного сюжета? Тем более что сюжет здесь оказывается до боли похожий на литературную подтасовку» [4, с. 331–332]; «Можно, конечно, и дальше описывать её жизнь, судьбу и разные привычки, но не она главный герой этого рассказа» [4, с. 350]; «Теперь опишем последнюю сцену этого рассказа. Не правда ли, слова “рассказ” и “сказка” одного корня?» [4, с. 355]. Авторское «вмешательство» в текст связано и с традиционным обращением к читателю: «Они-то и сыграют, как догадывается читатель, главную роль в этом повествовании» [4, с. 370]. Автор иногда полемизирует с читателем, убеждая его, что идёт по жизни, а не по известному литературному сюжету: «Не “Дама с собачкой”, а просто курортный роман» [4, с. 393].

Сложность композиционного развёртывания текста романа связана с использованием не так часто встречающегося в современной прозе, но характерного для творческого стиля С. Н. Есина, монтажного, кинематографического построения текста: «Оставим эту сцену для кинематографистов. Мальчик потянулся к Толику. Толик обнял мальчика, прощаясь» [4, с. 378]. Сложность приёма заключается в использовании минимума образных элементов, однако образная напряжённость достигается сменой «кадров». В романе «Соглядатай, или Бег в обратную сторону» С. Н. Есин часто обращается к этому приёму построения текста. Кстати, образ соглядатая появляется и в романе «Хургада»: «Но кто же этот другой соглядатай, который устроился в эту тёмную пору в кустах, и на чьё сторожевое логово матушка наткнулась?» [4, с. 407].

Художественность повествования, безусловно, определяет стилевое развёртывание компонентов текста. Мы отмечали уже в своих исследованиях, что для творческого стиля писателя характерны разнообразие и неповторяемость в употреблении художественных элементов, во всей полноте отражающих актуальные языковые процессы современной прозы. Например, употребление сравнений отличается абсолютной неинтертекстуальностью. Сравнения занимают в современном художественном повествовании значимое место – но для прозы С. Н. Есина характерно то, что писатель словно стремится не вполне явно, лишь коснуться того или иного языкового явления. И любое художественное употребление становится важным для развёртывания текста, значимым для композиционного строения образа. Сравнения носят неожиданный характер: «Посмотрели друг на друга взглядом, не оставлявшим никаких сомнений. Взгляд, как кислота с мёдом» [4, с. 326]. С. Н. Есин со свойственным ему юмором разворачивает в романе филологическую тему и вводит неожиданное сравнение: «Если бы Витя читал плохую художественную литературу и знал бы эти пошлые сравнения, то он сказал бы, что глаза у юной дамы Екатерины были, как лесные озёра. Но Витя книгу, как и положено современному служивому интеллигенту, в руки никогда не брал и об этих сравнениях, к счастью, отродясь не ведал. Глаза у него были крупные, синие, и на дне, словно в компьютере, мерцали какие-то серые играющие переливы» [4, с. 362–363].

Антропоцентризм метафорических определений также активно и динамично используется современными писателями, порой теряя образность. С. Н. Есин употребляет эти определения редко, точно, образно, т. е. в лучших реалистических традициях: «Скрипела осторожная дверь, малыш сладко спал на балконе» [4, с. 341].

Приём «виртуального произношения» используется в романе также единично, что, конечно, усиливает его воздействие на читателя, а также определяет значимость употребления: «Экс-кур-сии!» [4, с. 365]; «Настоя-я-щий полковник» [4, с. 394].

Синтаксическое строение в романе отличается классической «литературностью», и лишь изредка отмечаются отрезки текста, в которых проявляется контаминация авторского повествования и невыделенной прямой речи, что становится в современной прозе устойчивым языковым процессом: «Утром-то, когда эта самая, прогуливающая свою собачку, бабушка нашла труп молодой женщины, та была ещё тёплой. Правда, тёплой, вы не ошибаетесь? Вот это номер! Так, значит, что утром её, выходит, убили, а где же она находилась всю ночь?» [4, с. 330].

Тонкая языковая игра нечасто проявляется в романе – как проявление того словообразовательного взрыва, который нашёл отражение в современной русской прозе: «Сегодня олигарх, а завтра плут-арх» [4, с. 291]. Иногда языковая игра связана с употреблением устойчивых выражений, но это тоже единичные случаи: «Ночью все кошки бодры» [4, с. 366].

В романе используются слова, вошедшие в обиход в девяностые годы. Не все эти слова, конечно, вернулись в русский обиходный язык – однако возвращение в социум «героев» девяностых после вынужденной изоляции возвращает вместе с ними и прежние слова и выражения, имеющие прямое или косвенное отношение к рассматриваемому нами феномену среднего класса в обществе и литературе. По-прежнему остаётся популярным заимствованное слово «киллер» (профессиональный наёмный убийца), вошедшее в русские толковые словари. И если в девяностые годы киллеры почти открыто давали

объявления, что ищут работу, связанную с риском, то в нулевые вновь довольно часто стали использоваться наёмные убийцы. Именно один из таких жизненных финалов представлен в романе: «Аллу убили утром, когда она подъехала к своей конторе на чёрном дорогом джипе. Зачем даме ездить на джипе? Из двора на улицу выбежали два киллера в чёрных масках и принялись палить из револьверов» [4, с. 295]. Некоторый «романтический» флёр остался до сих пор вокруг подобных сомнительных подвигов. Стоит ли издавать книги, подобные «Ликвидатору» А. Шерстобитова, а также сериалы вроде «Банды» (2010)?

Подзабытое сейчас слово «челнок» («работал челноком») также вводится в повествование. Явление это было настолько массовым, что ставились памятники этим людям как в России, так и в Китае.

Описание современной России в романе намеренно подчёркивается, эмоционально и семантически выделяется – происходит наглядное динамическое развёртывание русского языка: «Делами, как сейчас говорят – бизнесом, они тоже занимались. Бизнес и привёл Стасика на египетский курорт» [4, с. 315]; «<…> на крутом юридическом языке <…>» [4, с. 350]; «Иногда возникали, как говорят на телевидении, эксклюзивные трудности» [4, с. 351]; «<…> подвести к кассе, к “кешу” <…>» [4, с. 351]; «Владимир Афанасьевич был её спонсором» [4, с. 353]; «Эра унисекса» [4, с. 353]; «Хургада – это классический отдых и одновременно секстуризм» [4, с. 357]. Тогда и теперь – эти два явления сравниваются, оцениваются в романе: «Стасик знал, что в соответствии с сегодняшними правилами расспрашивать человека нельзя. Это раньше, говорят, было хорошо, и вопросы задавали новым знакомым запросто: “Кем работаете?”, “Сколько получаете?” <…> Раньше все представляли, сколько получает директор завода, а кто теперь ведает, что стоит за прелестным словом “менеджер”?» [4, с. 317]; «Ну что за время, когда любой техникум или заведение для полуумков называется академией!» [4, с. 350]; «Воистину было время, когда никто становился всем» [4, с. 354]; «Сейчас это называется ДПС – Дорожно-патрульная служба, – впрочем, В. В. Путину это название не слишком нравится, и он как-то высказался, что не видит оснований, чтобы привычное старое название менять на новое. Может быть, опять вернуться к старому?» [4, с. 359–360]; «Сразу привиделся Дворец пионеров – такие “дворцы” были в прошлом, и вряд ли кто сейчас, из нынешних молодых, помнит и знает это слово <…>» [4, с. 372]. Упоминаются в романе «передовики производства» («как раньше бы сказали»); праздничный сервиз «Мадонна» из ГДР, который куплен был до перестройки по специальному талону; бутылка водки с портретом Президента Ельцина.

Прошлое и настоящее сталкиваются, сравниваются друг с другом и в межтекстовых взаимодействиях. Межтекстовое пространство, начатое образом «клейких листочков», также динамически развёртывается. Романы С. Н. Есина предназначены для искушённого читателя: «Ба! Знакомые всё лица. Горы чемоданов, загоревшие и поздоровевшие люди с остаточным блеском легкомыслия и независимости в глазах. Отпуска кончаются, надвигаются заботы. В Москву, в Москву!» [4, с. 327]; «В этой замечательной фразе для искушённого уха слышалась знаменитая реплика из “Стакана воды” Скриба. Её бросила герцогиня Мальборо своему кузену-врагу <...>» [4, с. 327]; «Только переходи из кружка в кружок, строй, выдумывай, пробуй» [4, с. 372].

Наблюдение над динамическими языковыми процессами в современной русской прозе позволяет осмыслить формирование языковой картины русской прозы. Обращение писателей к разным сторонам жизни фиксирует не только формирование жизненного пространства новой России, но и формирование языкового пространства.

Языковые традиции и языковые процессы как две стороны единого процесса [3] взаимодействуют друг с другом и способствуют динамическому развитию русской литературы.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста. СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчэн. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
4. Есин С. Н. Ах, заграница, заграница…: романы. М.: Дрофа, 2006. 431 с.

5. Катаева Нина. Интересный собеседник. Сергей Есин: «Судить о нас будут по тому, что мы написали о России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://file-rf.ru/analitics/911 (дата обращения: 16.02.2015).

References

1. Akhmetova G. D. Zhivoi literaturnyi tekst. M.: Vash poligraficheskii partner, 2012. 232 s.
2. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta. SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
4. Esin S. N. Akh, zagranitsa, zagranitsa…: romany. M.: Drofa, 2006. 431 s.
5. Kataeva Nina. Interesnyi sobesednik. Sergei Esin: «Sudit' o nas budut po tomu, chto my napisali o Rossii» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://file-rf.ru/analitics/911 (data obrashcheniya: 16.02.2015).

Статья поступила в редакцию 20.02.2015